

аспирантуру. Ее научным руководителем был известный ученый – профессор Сергей Дмитриевич Балухатый. В 1955 г. Ксения Ефимовна защитила одну из первых в нашей стране кандидатских диссертаций по творчеству А.И. Куприна. Оппонентами на защите выступали профессор Ю.Г. Оксман, кандидат филологических наук С.И. Ермолаев.

Вся педагогическая деятельность К.Е. Павловской связана с Саратовским университетом. В 1947 г. А.П. Скафтымов пригласил ее работать на кафедру русской литературы. В 1958 г. была образована кафедра советской литературы, на которой и продолжила свою научно-педагогическую деятельность Ксения Ефимовна. С 1983 по 1989 г. она исполняла обязанности заведующей кафедрой.

К.Е. Павловская была великолепным педагогом, прекрасным лектором, душой кафедры и многих научно-педагогических дел. 25 лет она являлась научным секретарем Головного совета по филологии Министерства образования РСФСР. Несколько поколений студентов помнят ее лекционные курсы по истории русской литературы конца XIX – начала XX в., спецкурсы «Драматургия М. Горького», «Идейно-художественные искания в русской реалистической прозе XX века», «Литература русской эмиграции». Отличной филологической школой был ее спецсеминар «Творчество М. Горького и его современников». Ксения Ефимовна была литературным редактором

«Словаря М. Горького», членом редколлегии научных трудов и методических пособий кафедры советской литературы.

С начала 1990-х гг. Ксения Ефимовна много душевных сил и труда вкладывала в восстановление утраченных в советские годы родственных связей с семьей знаменитого русского философа, первого декана историко-филологического факультета Саратовского университета Семена Людвиговича Франка. Жена С.Л. Франка Татьяна Сергеевна и мать Ксении Ефимовны Мария Сергеевна Барцевы – родные сестры.

Ксения Ефимовна Павловская прожила долгую и насыщенную интересными встречами жизнь. Правнучка декабриста, племянница выдающегося философа С.Л. Франка, девочка, выросшая в среде лучших представителей саратовской интеллигенции (отец ее Ефим Тимофеевич Павловский был близким другом А.П. Скафтымова), студентка легендарного ИФЛИ, однокурсница многих известных поэтов военного поколения, ученица крупнейших ученых-филологов Ленинградского университета. Она обладала уникальной памятью на людей, события, детали быта, характеризующие эпоху. Ксения Ефимовна была прекрасной рассказчицей и оставила нам не только письменные, частично уже опубликованные воспоминания¹, но и записанные на диктофон устные рассказы, фрагменты которых мы и публикуем.

УДК 882–94+929 Павловская

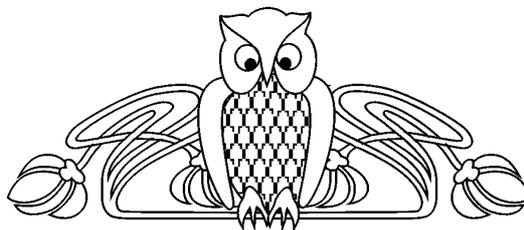
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

К.Е. Павловская

Мои учителя

В своей жизни я имела дело с двумя филологическими школами – московской и ленинградской. Причем я даже не очень отдавала себе отчет, когда переходила в Ленинградский университет, что это совсем другая филология, что это не Москва. Но это мне помогло впоследствии: появилась возможность научного сравнения. Были у меня и саратовские учителя. Я, к сожалению, не могу считать себя прямой ученицей Александра Павловича Скафтымова, но он с раннего детства был очень близкий и дорогой мне человек. Как ученого я его узнала, когда поехала учиться на филологический факультет в ИФЛИ, а потом в Ленинград. И постепенно, курс за курсом, лектор за лектором, вводили меня в школу Скафтымова. Ни один профессор, читавший те или иные лекции, не обходился без ссылок на Александра Павловича.

Мне хотелось бы упомянуть о том, кто и как знакомил меня с его исследованиями. Начиналось все, конечно, с «Поэтики и генезиса былин» – основополагающего труда А.П. Скафтымова², кото-

рый очень часто цитировал в курсе лекций Юрий Матвеевич Соколов. Он читал нам фольклор. Это был строгий академический курс, в том числе, конечно, с опорой на работы Александра Павловича. Тогда были модны ашуги, народные певцы, которые приезжали в Москву на разные национальные недели. Соколов приводил их к нам в аудиторию, и они исполняли былины и сказания. В натуральном виде это очень интересно. Потом Дмитрий Дмитриевич Благой. Это – «Путешествие из Петербурга в Москву», и, конечно, фигурировала работа Александра Павловича о Радищеве³. Шел разговор об особенностях стиля писателя. Затем Григорий Абрамович Бялый – лекции о Достоевском. И опять работа Александра Павловича – о «Записках из подполья»⁴. Затем я попала к Николаю Калининичу Гудзию, была в его спецсеминаре по Толстому. И понятно, что все работы Александра Павловича, связанные с Толстым⁵, легли в основу спецкурса Гудзия. Он мне сказал при первой встрече: «Зачем вы приехали к нам учиться, когда у вас в Саратове Скафтымов?»⁶. Мне это было, конечно, очень приятно, но, к своему стыду, я тогда,

в силу возраста, не ориентировалась в научной биографии Александра Павловича.

Затем ЛГУ, куда я попала в годы войны. Борис Георгиевич Реизов, известный западник, у него в лекциях постоянно фигурировал текст Скафтымова о Чернышевском и Жорж Санд⁶. Не говоря о том, что в разговоре о Чернышевском работы Александра Павловича присутствовали и как образец текстологического анализа, мастерства биографического жанра.

Далее, конечно, Борис Михайлович Эйхенбаум, спецкурсы которого я слушала. Общались мы с ним и в Саратове, куда эвакуирован был Ленинградский университет⁷. Борис Михайлович как раз здесь писал свои основные работы. А я, кроме того, что училась, работала еще в отделе периодики библиотеки университета. И мы с сотрудниками этого отдела почти ежедневно ему и другим ученым-ленинградцам носили из хранилищ, которые располагались не на территории библиотеки, а где-то в подвалах на Вольской, связки старых журналов – «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русское богатство». Тогда я, по роду своей деятельности в библиотеке, занялась историей журналистики – это была для меня совершенно новая сфера. Благодаря Борису Михайловичу была возможность воочию наблюдать за тем, как ученый работает над первоисточниками и что они значат. Борис Михайлович был человек деликатный, тонкий, обаятельный и какой-то незащищенный. В Саратове он получил извещение о гибели сына на фронте. Страшный удар. Мы все, как могли, оберегали его от бытовых трудностей. Все, что могли, делали. Очень большую роль сыграл, конечно, Александр Павлович. Из всех приехавших профессоров-ленинградцев Борис Михайлович был самым для него близким, самым дорогим гостем в доме. Общение со Скафтымовым для самого Бориса Михайловича тоже было очень значимо.

Я в это время уже связала свою научную судьбу с другим ученым, у него я писала свою дипломную работу, а потом и диссертацию, училась в аспирантуре. Это Сергей Дмитриевич Балухатый. Человек необыкновенной судьбы, великолепно чувствующавший чеховскую психологическую палитру. Он в своих работах о Чехове, в общении со мной как со студенткой, а потом и с аспиранткой, многое открыл мне в, казалось, уже знакомом и близком писателе. Я бесконечно ему благодарна за это.

Интересная деталь: когда мы приехали в Ленинград, а в его квартире мы, аспиранты, бывали довольно часто, он сказал: «Моя библиотека – это ваша библиотека. Единственное, о чем я вас прошу, когда вы берете книжку, на столе лежит блокнот, запишите. Не потому, что я вам не доверяю. Просто вдруг она мне понадобится, а я не хочу это держать в памяти». У него была строгая дисциплина и организация научной работы и быта. В Саратове они жили с супругой в общежитии

на Вольской, их комната была образцовой среди ленинградской профессуры. Все было в идеальном порядке. И жена его, в свое время известная балерина Мариинского театра, производила на нас совершенно потрясающее впечатление. Но ей, к сожалению, здесь, в Саратове, поставили самый страшный диагноз, это была онкология – результат блокады, которую они перенесли. Когда возвращались в Ленинград, она была уже тяжело больным человеком. Вскоре после того, как она слегла, обнаружили тяжелые последствия блокады и у Сергея Дмитриевича – у него отказывали почки. И была такая ситуация: когда она лежала дома, а он – в больнице. Мы, его аспиранты, среди которых была и Ксения Дмитриевна Муратова, ближайшая его ученица, автор уже многих работ о Горьком, его помощница в спецсеминарии. Среди старших аспирантов была и жена Михаила Павловича Алексеева. Мы готовы были на все, чтобы облегчить судьбу очень дорогих нам людей.

Люция Федоровна – так звали жену Сергея Дмитриевича (она немка по происхождению) – тяжело уходила из жизни. Но внутренняя ее телепатическая связь с мужем сохранялась даже тогда, когда они были врозь: он в больнице, а она дома. Так случилось, что во время моего дежурства около Сергея Дмитриевича он скончался. И мы с невероятной тревогой думали о том, как же сообщить Люции Федоровне об этом. А с ней оставалась другая наша приятельница-аспирантка. Жили они на набережной Невы в доме, стены которого были увешаны мемориальными досками всех крупных ученых, которые жили в Питере до революции и после. Когда мы вошли, первое, что она сказала: «Не надо мне говорить. Он умер в 3 часа 15 минут». Мы были совершенно потрясены, взглянули на дежурившую с ней аспирантку, и она подтвердила, что в это время Люция Федоровна сказала: «Вот сейчас умирает Сережа». Похоронили Сергея Дмитриевича на Волковском кладбище. И так получилось, что могила моего учителя оказалась в пяти или десяти шагах от могилы Куприна, над диссертацией о котором я работала под руководством Сергея Дмитриевича в Ленинграде. Так что когда я навещала это кладбище, то сразу была рядом с бесконечно дорогими и близкими мне людьми.

В исследованиях Сергея Дмитриевича многое тоже было связано с работами Скафтымова о Чехове. В 1946 году появилась статья Александра Павловича «О единстве формы и содержания в “Вишневом саде”»⁸. В Ленинграде говорили о ней как о самом крупном событии в литературоведении. Это был эталон в оценке работ других литературоведов. Их сравнивали со Скафтымовым. Я тогда училась в аспирантуре Ленинградского университета.

Остальные произведения Скафтымова, которые появились в моей жизни, были связаны уже с Саратовом, с тем временем, когда я работала у него на кафедре.

«Привези саратовское солнышко»

В 1946 году, когда мы готовились к экзаменам в аспирантуру, нас с приятельницей Гулей отправили для укрепления здоровья в какой-то санаторий каменноостровский. Это была сказка. Золотая осень, в Ленинграде выдалась необыкновенная погода, и как-то очень быстро мы начали ощущать радость жизни, воскрешающую нас. Очень хорошо помню, когда я сдавала экзамен по специальности, Григорий Абрамович Бялый вдруг задал мне такой вопрос: «Ну, Ксана, расскажите нам, что такое журнал «Русское богатство». Все, что Вы о нем знаете». А я занималась Куприным, он с этим журналом был связан тесными узами не только литературными, но и семейными (он был женат на дочери Давыдовой, издательницы этого журнала), и я работала с этим журналом. Григорий Абрамович, наверное, вспомнил, что в Саратове, в библиотеке, я таскала им этот журнал из хранилища. Вот такой маленький вопросик – о «Русском богатстве». И так хитро улыбнулся, потому что знал, что это для меня материал несложный. Мы, студенты, которые были рекомендованы в аспирантуру, были для них уже достаточно знакомы. А к саратовцам они питали особую нежность. Когда мы уезжали из Ленинграда на каникулы, каждый почти говорил: «Привези саратовское солнышко». Им его не хватало. И я, конечно, всегда привозила вещественные солнечные приветы – саратовцы помнили всех и старались снабдить друзей витаминами. Ленинградцев вообще очень хорошо приняла вся саратовская интеллигенция. Не только филологи, но и медики, и театралы.

Я когда перебирала в памяти, сама удивилась, сколько крупнейших ученых приехало во время войны в Саратов, сколько известнейших фамилий. Это просто что-то невероятное. Возглавлял эту группу Александр Александрович Вознесенский, ректор, брат того Вознесенского, который Госпланом командовал. Звали его все студенты «папа Вознесенский». Михаил Павлович Алексеев, Сергей Дмитриевич Балухатый, Григорий Александрович Гуковский, Зоя Александровна Гуковская, его жена, Григорий Абрамович Бялый, Владислав Евгеньевич Максимов, Валерий Яковлевич Пропп, Игорь Петрович Еремин, Мария Лазаревна Тронская, Иосиф Моисеевич Тронский, очень яркая была фигура Ахилл Петрович Левинтон – зарубежник, инициатор всех внеклассных мероприятий, крупнейший лингвист Александр Павлович Ревдин, Мария Александровна Соколова, Матвей Александрович Гуковский, Ольга Фишман, востоковед.

Жили они, в основном, в гостинице «Россия». Балухатый поселился на Вольской, Гуковский и Тронский – на Цыганской в общежитии⁹. И такое это убогое общежитие было – просто что-то невероятное. Я очень хорошо помню, как однажды

я должна была принести Гуковскому свою дипломную работу, странно оформленную, и пришла в общежитие. Стучусь в дверь, никто не отвечает, еще раз стучусь – голос: «Да-да, открыто». Вхожу, смотрю – нигде нет Григория Александровича. И вдруг вижу – стол под лампой стоит и он сидит на столе. Лампочка тускло светит, поэтому он читает, поставив стул на стол. Слез с этой конструкции, взял мою работу, удивился ее оформлению. «Такой, – говорит, – я еще не видел». А она оформлена была на немецких трофейных бумагах, которые мне дал мой приятель, бывший разведчик или контрразведчик. Кто-то мне потом перевел содержание – сама я немецкий не очень хорошо знала, я со школы английский учила, – там какие-то донесения официальные были. Этой пачкой бумаги друг мой буквально спас меня. Обложка была из плотной бумаги, кто-то из ребят помог мне ее сделать. В таком виде и фигурировала она на защите, что Григорий Александрович не преминул потом обыграть.

К Марии Лазаревне Тронской мы ходили домой сдавать экзамен. Убогая какая-то комната, в уголке сидел ее супруг (он был внешне типичный профессор старого пошиба), сидел, сторбившись, и читал. А Мария Лазаревна в это время штопала чулки и слушала наши ответы, совмещая эти два дела. Нас было семь девчонок на курсе, и мы как-то запросто общались с преподавателями.

Вот что еще интересно. Григорий Александрович <Гуковский> читал спецкурс «Пушкин и русские романтики». Так называется и его книга, что стоит у меня на полке. Издана она была в 1946 году в Саратове. А читал он лекции так. Не имело значения где – в аудитории, или у кого-то дома, или у них в общежитии. Он садился на стул, нога за ногу, папирота во рту и безо всяких бумажек обкатывал на нас концепцию этой книжки. А потом ее оформил и в саратовском издательстве она была издана. А сейчас известна во всем мире.

Борис Михайлович Эйхенбаум читал нам спецкурс «Война и мир». Только одно произведение. Целый год читал. Лучшего прочтения «Войны и мира» я в своей жизни не встречала. Никогда не прочитала бы роман так без его помощи.

Григорий Абрамович Бялый читал общий курс по XIX веку. Владислав Евгеньевич Максимов по Некрасову читал. Сергей Дмитриевич Балухатый – о Чехове и Горьком и общий курс по литературе XX века. Вот тут-то я и попала в его ученицы.

Для Саратова, для судьбы целого поколения саратовских студентов тех лет, которые теперь стали крупными учеными, академиками, приезд в войну Ленинградского университета был крупнейшим событием. Ольга Борисовна Сиротинина может рассказать, что это было для них, студентов младших курсов. Как они бегали в организованный питерцами лекторий, как слушали лекции того же Бялого. Бялый всегда вызывал у них

восторг. Блестящий лектор. У него великолепные работы о Короленко, о Гаршине. Так что для Саратова это было, конечно, колоссальное событие.

Скафтымовы

Для меня в Саратове это была, наверное, самая близкая и самая дорогая семья. Павлуша¹⁰, Ольга Александровна¹¹, Александр Павлович. Никто никогда об этом вслух не говорил, но считалось, что наши судьбы с Павлушей должны пересечься. И когда он был уже тяжело болен, и я его навещала, приходила к нему домой – а ему сказали, что он должен жить где-то на юге по состоянию здоровья, – он сказал: «Ну, ладно, там есть астрономическая лаборатория, база для меня, найдется работа. А ты-то там что будешь делать?» Это был первый и последний такого рода разговор в нашей жизни. А так – молча все как-то воспринималось. У каждого были свои интересы, свои компании. Но так бывает – семьи были настолько близки, что все считалось естественным и неизбежным.

Они жили на теперешней улице Рахова, в двухэтажном доме, квартира располагалась на втором этаже¹². Сюда часто приходили не только филологи – у Александра Павловича и Ольги Александровны было много друзей в городе. В этом доме вырос Павлуша, отсюда по утрам он уходил в школу, Александр Павлович в университет, а Ольга Александровна в пединститут. Стены их квартиры помнят очень многое.

Если подняться по лестнице на второй этаж, окажешься перед дверью, обитой клеенкой. Звонок был едва слышным, зато через дверь, как правило, доносились звуки фортепьяно. Александр Павлович страстно любил музыку, особенно классику, и в свободное время очень много играл. Но играл только тогда, когда был один, и ни в коем случае при посторонних. Видимо, сочетание музыки с филологией погружало его в какой-то особый, неведомый нам мир и, судя по всему, было для него насущной необходимостью.

В квартире было четыре комнаты. Как войдешь, налево, был кабинет Александра Павловича. Все стены здесь были заставлены стеллажами с книгами. Небольшой письменный стол и диван. В центре была столовая, проходная комната, но Александр Павлович любил работать здесь, а за спиной у него опять были книги. Направо из столовой был вход в маленькую комнатку, где жил Павлуша, а потом Ольга Александровна, когда Павлуша не стало. Была еще одна маленькая комнатка, между этими двумя, там тоже были книги, и стояло пианино, за которым Александр Павлович проводил многие часы. Здесь же был бювар, за которым он писал письма, а работал за большим обеденным столом.

В столовой стоял резной шкаф со старинной посудой. Отец Ольги Александровны имел когда-то небольшой завод по выпуску фарфора и

хрусталя, и что-то из старинной посуды сохранялось в доме¹³.

«Все было...»

Александр Павлович Скафтымов начинал свое образование в духовном училище. В 1909 году он стал учеником четвертого класса духовной семинарии. В здании нынешнего областного музея краеведения было общежитие для воспитанников семинарии. Судя по фотографиям, Александр Павлович и его брат Николай жили здесь. Во всей его дальнейшей жизни, во всем характере, в облике, в поведении заметно было, что он – воспитанник духовной семинарии. Сдержанность, очень спокойный, характерный для него тон в общении с людьми. Я не помню, чтобы он когда-нибудь вышел из себя, даже в самых сложных ситуациях. Я не помню, чтобы где-то, когда-то он повысил голос. Вероятно, это было воспитано с детства – и в семье, и в семинарии. При этом в общении трудно было понять, был ли он верующим. Это если только обратиться к его работам о Толстом, тут можно было о чем-то догадываться, о чем-то рассуждать.

У него была поразительная манера – он всегда поддакивал говорящему собеседнику – «да-да» – с улыбкой. И у него было собственное характерное ударение на слове «было». Когда он хотел сказать что-то о жизни, о ее сложностях, он говорил «все было» – с ударением на последнем слоге.

Ольга Александровна получила образование в Сорбонне, в Саратове они встретились с Александром Павловичем, когда оба работали преподавателями в гимназии Добровольского. Ольга Александровна была на несколько лет старше Александра Павловича и к моменту их встречи уже была вдовой. О характере их отношений можно судить по уже опубликованным дневникам Александра Павловича¹⁴.

Я очень хорошо помню, как однажды – это был 35-й год – Ольга Александровна, возвращаясь из пединститута, зашла к нам и, обращаясь к маме, сказала: «Мария Сергеевна, я чувствую, что со мной что-то случится. Или я заболею сыпным тифом, или что-то еще, присмотрите тогда за Павлушей». Ее начали успокаивать: «Ольга Александровна, может, это не предчувствие, а так – просто дурное настроение». Но через несколько дней мы получили известие о том, что она арестована¹⁵.

Сочинили целое дело по поводу группы преподавателей пединститута, которые якобы были связаны с какой-то шпионской организацией во Франции и где-то еще. Это был, конечно, абсурд полнейший. Как потом выяснилось, сочинила все одна из пединститутских преподавательниц, все потом знали, кому они этим обязаны. В каждом коллективе же тогда были – как хотите их называйте – стукачи, еще как-то... Это было, к сожалению, совершенно обычным делом. И

Ольга Александровна была арестована и сослана в Карагандинскую область, где она пробыла до середины войны¹⁶.

Когда заболел Павлуша, от нее долго скрывали. Когда, по совету врачей, общими усилиями его отправили на юг, он писал ей оттуда письма, будто там проходит студенческую практику. В общем, святая ложь.

После ареста Ольги Александровны судьба Павлуши была еще более тесно связана с нашей семьей. Мама его постоянно опекала, мы часто бывали в их доме. С ними тогда жила его бабушка – мать Ольги Александровны Юлия Михайловна.

Однажды Александр Павлович позвонил и сказал маме: «Вы знаете, Павлуша очень сильно кашляет, не надо ли его показать кому-то из врачей?» Мама тут же пошла, договорилась и показала его – тогда был очень известный врач, профессор Махлин, великолепный диагност, – а тот сказал: «Что же вы так поздно обратились, у него уже каверны в легких».

Павлуша учился на первом курсе механико-математического факультета, и у него был друг, с которым они вместе занимались и, бывало, ночевали друг у друга. А приятель этот уже был болен туберкулезом. И, по всей вероятности, стрессовое состояние в связи с арестом Ольги Александровны, невероятная тоска по матери, непонимание, как такое могло произойти, – это была для Павлуши катастрофа в моральном плане – все это страшно повлияло на его здоровье. Он очень много занимался, сидели они со своим другом ночами. По-видимому, элементарная инфекция, попавшая через стакан или как-то иначе, резко повлияла на ослабленный организм и начала бурно развиваться, очень бурно. И все это на фоне его страданий по поводу матери.

Все усилия, которые предпринимались тогда, были тщетны. Молодой, растущий организм и такая нагрузка – и физическая, и моральная, и психологическая – выдержать все это он просто не смог. Форма болезни была очень тяжелая, скоротечная. Александр Павлович в своем дневнике пишет, как лечили, что применяли, какие средства кололи, какие лекарства доставали. Все делалось, что можно было тогда сделать, но, увы, процесс шел необратимо.

Я видела Павлушу, когда его увозили в Ялту, и он верил, что все обойдется благополучно, не было такого уж отчаянья по поводу болезни. А вот когда он вернулся и когда уже лежал в тубинституте, общение с ним было очень трудным, потому что он уже все понимал, и его глаза выражали больше, чем слова.

Павлуша был поразительно деликатным человеком, и Александр Павлович записывает в дневнике: откуда у тебя, мальчик, такая деликатность и такая трогательная забота обо мне, ты боишься мне даже глазами выразить то, что ты чувствуешь... Эта внутренняя взаимосвязь Алек-

сандра Павловича с сыном как-то особенно остро проявилась в эти тяжелые дни и месяцы. Уходила жизнь, и Александр Павлович это видел и, как нам теперь это ни кажется странным, приходя домой, старался записать, зафиксировать все до мелочей. Судя по дневнику, он не только ощущал трагедию отца, который теряет сына, и чувство вины, что он что-то недосмотрел, не увидел вовремя.

В 1937 году Павлуша скончался. Вероятно, Александр Павлович принял решение уйти из жизни, об этом свидетельствует запись в его дневнике, обращенная к Ольге Александровне. И три очень близких ему человека – я помню это – в буквальном смысле охраняли его: мой папа¹⁷, Евграф Иванович Покусаев и Александр Петрович Медведев¹⁸. Они его сопровождали везде и всюду и знали, что где-то в пиджаке у него хранится какая-то ампула, и он готов, не выдержав, совершить этот шаг.

Я хорошо помню, как они пришли к нам домой, Александр Павлович повесил пиджак на стул, а сам пошел в кабинет к папе. Папа тут же вышел и мне сказал: «Последи, пожалуйста, если Александр Павлович будет выходить сюда, чтобы он ничего из карманов не брал». Мне стало ясно, что ситуация была совершенно критическая.

Они ходили с ним по очереди ночами по городу, видимо, много беседовали. Думаю, что мысль о том, что он сам должен сообщить о случившемся Ольге Александровне, его удерживала. Как он пишет потом, вначале ей отправили письмо, которое «подготавливало» – он ставит это слово в кавычки, то есть сообщали только о болезни. Она прислала тревожную телеграмму, но ей, конечно, ничего не сообщили, а решили ехать туда. Поехал Александр Павлович с матерью Ольги Александровны Юлией Михайловной. Подробности этой поездки он описывает в письмах своему ученику и другу Александру Петровичу Медведеву. Они, как и дневники Скафтымова, опубликованы¹⁹.

Ольга Александровна рассказала, что в тот час, когда умирал Павлуша, она шла на дойку коров. Она работала там дояркой и жила в бараке с какими-то уголовницами, но уголовницы по тем временам были разные – тогда и за колосок могли посадить... Ее очень любили сокамерницы и как-то оберегали. Так вот, рано утром она шла через поле, вдруг видит, будто навстречу ей идет Павлуша и кричит: «Мама!» Она упала и ослепла. Ее подобрала доярки, которые шли вслед за ней. Там был хороший начальник лагеря. Он послал вызов Александру Павловичу и разрешил приехать. Это было, конечно, необычно.

Что было при свидании, трудно представить. Александр Павлович с Юлией Михайловной какое-то время прожили там, а потом вернулись в Саратов. Много лет спустя, когда у Ольги Александровны истек срок (у нее было, по-моему, 7 лет), ее вернули домой, но не разрешили жить в Саратове. С большим трудом удалось добиться разрешения, чтобы она жила в Энгельсе. Там

сняли ей комнату. Позже Евграф Иванович Покусаев приложил много усилий для того, чтобы ей разрешили, наконец, вернуться домой. Помог университет и его тогдашний ректор Роман Викторович Мерцлин.

Профессорский быт

Александр Павлович ушел из университета, как только ему исполнилось 60 лет, – там была своя история²⁰. Я не могу сказать, чтобы Скафтымова недооценивали в городе, но, мне кажется, по-настоящему его значение не понимали. Стыдно говорить, но даже элементарных удобств не было в его квартире, они были во дворе. И добиться, чтобы поставили ванну в кухне (даже отдельного помещения для ванны не было, мыться приходилось в кухне, где так называемый черный ход, через который лестница вела на чужой двор), – это была целая проблема. Скафтымов заслуживал, конечно, другого отношения.

Но он не настаивал никогда, не обращался за предоставлением особых условий или другой квартиры. Он все воспринимал как неизбежное. Ольге Александровне, которая после ссылки себя довольно плохо чувствовала и болела, трудно было. Усилиями друзей и учеников минимальное что-то удалось сделать.

Для Александра Павловича всегда были близки и дороги нравственные позиции русских философов начала века – Бердяева, Лосского, Струве и особенно Семена Людвиговича Франка, имя которого в доме Скафтымова произносилось с особым пиететом. Не случайно в скафтымовской библиотеке были его книги. Я глубоко убеждена, что и найденный дневник Франка²¹, скорее всего, мои родители передали Скафтымову. Когда у них соответствующие органы делали в библиотеке «ревизии», они спасали, как могли, то, что было. По воспоминаниям тети Тани, жены Франка, сестры моей матери²², уезжая, письма Семена Людвиговича Франка она оставила моей маме, но их в нашем доме потом не было. Значит, кому-то отдали. Мне кажется, что, если она оставила письма, то должна была оставить и дневник Франка как наиболее дорогую вещь.

У Евгении Павловны Никитиной предположение, что Франк сам отдал Скафтымову дневники. Но это маловероятно. Дистанция в отношениях семьи Франка и Скафтымовыми все-таки существовала. Естественно, лучше было отдать родственникам. Поэтому я не думаю, что дневник был передан прямым путем от Франка Скафтымову. Но у Евгении Павловны своя версия, она тоже имеет право существовать²³.

Надо сказать, что тогда профессура участвовала в духовной жизни города независимо от основной профессии. Это было как-то естественно и органично и вплеталось в жизнь не только круга этих людей, но и города в целом. А молодежь, конечно, все это впитывала. Это был

дополнительный источник к тому, что получали в школе, в университете. А город был тогда совершенно необычный. Сейчас-то ведь идет сумбурная застройка, и облик дворянского, купеческого города, редкого, сохранившегося после войны, постепенно разрушается. Недавно мы с сыном ехали из больницы и где-то недалеко от Волги в одноэтажном здании окна забиты досками и там уже кто-то орудовал, что-то ломал. А дом старинного образца. Я спрашиваю: «Сережа, кто-то дом восстанавливает?» – «Да что ты! Это опять кто-то магазин делает себе». Вот так. Это меня потрясает.

Улицы исчезают. Первые этажи – сплошь реклама и магазины. Причем, все бесконечно повторяется. Саратов теряет облик того города, каким был. Вот Московская улица – даже спуск к Соборной площади совершенно изменился. Набережная потеряла свой старый облик, и сейчас там снова идет сумбурная застройка. Не знаю, меня как-то это огорчает. В прежние годы был такой архитектор Карпов, работал в архитектурном объединении. Я знала его дочь, тоже архитектора, и была через нее в курсе дела. Карпов старался сохранять очаги старого Саратова. Сейчас не знаю, кто командует этим парадом, но старый город рушится совершенно. Но это так – замечание в сторону.

«Он читал лекции, размышляя»

<...> Когда я вернулась в Саратов, А.П. Скафтымов читал спецкурс для пятого курса, увидела его впервые на лекции, кажется, в 9-й аудитории²⁴. Это был 47-й или 48-й год. Читал он, на мой взгляд, совершенно потрясающе. Но аудитория воспринимала его трудно. Я потом долго размышляла об этом и не могла понять: то ли состав курса не был к этому готов, то ли еще что-то. Но причина была не в нем. Причина была в аудитории. Я очень переживала, когда наблюдала за студентами. «Что же вы делаете?! – думала я. – Это последний спецкурс, который он читает. Возьмите то, что сумеете взять».

Его лекции чем отличались? Он заставлял думать самих слушающих, заставлял размышлять, а не заглатывать готовую разжеванную пищу. Может быть, виноваты те преподаватели, кто поступал иначе? И такие были, что говорить. Может быть, студенты привыкли так: ты мне по полочкам разложи, я запишу, а завтра тебе на экзамене все это расскажу. А Скафтымов просто вел за собой, надо было следить за его мыслью все время. И если вы оторвались и с соседом поговорили, вы уже потеряли мысль. Он задавал какие-то риторические вопросы, на них не отвечал сам, а отсылал к тексту – вот там-то и там-то посмотрите то-то и то-то. То есть он заставлял работать на лекциях. Не все были готовы к этому.

Я знала его по трудам, знала как человека. А вот услышать в аудитории имела возможность впервые. И я ринулась слушать этот курс

с необычайным интересом и готовностью все воспринимать. Не все умеют так работать вместе с лектором и размышлять вместе с ним. Думаю, что в этом была причина. Текста лекции у него не было, а записки были, маленькие такие листочки, на которых, мне кажется, только названия произведений и имена героев были написаны.

А ведь чаще всего лектор приходит, прежде всего раскладывает перед собой листы и потом, переворачивая эти листы, начинает вам что-то читать... И такое было у нас на филфаке.

Александр Павлович себе такого никогда не позволял. Он готовился к лекции дома. Это была своеобразная проверка самого себя: вот так я буду подавать Андрея Болконского, вот так буду говорить о его последних мыслях. Мне кажется, у него была потребность надо всем этим еще и еще раз поразмыслить, выделить для себя самое главное, а потом уже преподнести студентам.

Это была совершенно особая личность. Несомненно, чеховская тонкая интеллигентность присуща была Александру Павловичу изначально. Не случайно Чехов был для него на первом месте. Каждый исследователь избирает для себя, прежде всего, автора, близкого по духу. Главные работы Скафтымова посвящены Чехову. Толстому тоже – да, но Чехов ему был особенно интересен.

Скафтымов – это поразительное явление русской филологии. Причем, при трепетном отношении к русской культуре, к русскому художественному слову, он был и великодушный знаток мирового искусства. И все это было у него органично. Не умаляя достоинств никаких других литератур, он сумел показать, что высшая нравственность, все-таки, тут, в России. Сколько бы он ни писал о Жорж Санд и других, все равно выше Чехова, выше Толстого для него фигур не существовало. Причем он не то чтобы навязывал свое отношение, для него это было просто органично.

Я согласна с Евграфом Ивановичем Покусаевым, который счел его человеческие качества сопоставимыми с чеховскими²⁵. Та же скромность, та же нетребовательность в быту, в жизни. И, вместе с тем, какое-то потрясающее терпение. Он тяжело уходил из жизни. Мне пришлось быть свидетелем последних его дней и часов. И он никогда не нарушал этого своего чеховского принципа, что человек всегда должен быть красивым не внешне, а душевно. Страдания, которые он испытывал, характер заболевания – все это было очень для него тяжело, но он старался этого не показывать. И держался все время на высоком нравственном уровне. Меня как-то спросили: «Вы считаете Александра Павловича идеальным человеком?» Я сказала: «Нет». Он, конечно, идеальным не был. И, как всякий талантливый человек, талантливый ученый, был иногда противоречив, но не отступал от главных принципов.

Человек не может быть идеальным, но все, что он делал, для меня, по крайней мере, до конца жизни останется непрекрасимыми нравственно-

ми ценностями. Это был действительно эталон, которым я измеряла и собственную жизнь, и жизнь людей, которые меня окружали в разные времена.

Разговор об Александре Павловиче для меня всегда сложный и трудный. Он не любил суеты вокруг своего имени, публичности, фальши. Не хочется скатиться на какую-то высокопарную, нелюбимую им ноту.

Конечно, у него была возможность уехать в Москву или в Ленинград. Но для него эта московская суета... Юлиан Григорьевич Оксман, когда приехал²⁶, попытался его втянуть в московскую филологическую жизнь. У него были колоссальные связи в Москве и в Ленинграде. Скафтымов от этого категорически уходил. Он говорил: «Нет, это не для меня». Он был ученый такого масштаба и по своим человеческим качествам он был такой человек, что ему нужна была особая аура, которая существовала здесь, в Саратове. Он очень дорожил своим миром тут. Как ученый он жил в окружении учеников, которые ему помогали, имена которых, слава Богу, известны далеко за пределами Саратова. Я знаю, что он очень высоко ценил Таню Усакину²⁷, которая, к сожалению, рано ушла из жизни. Это было необходимое для него окружение, которое помогало ему жить и работать.

Ощущение времени

У каждого человека есть ощущение времени, которое в него входило через членов семьи, через родственников, и это надо помнить, этим дорожить и хранить не только в своем сознании, но и в сознании своих детей, своих учеников. Я бесконечно благодарна своим родителям за то, что они с ранних лет смогли заложить во мне представление о каких-то нормах поведения и общения с людьми, о том, что необходимо делать добро, а не озлобляться. Мне кажется, это важнейшие критерии, которым нас учили и наши великие учителя, а мы должны учить своих учеников.

2001 – 2006 гг.

Зачитан и обработка текста Артема Зорина. Используются фрагменты телевизионного документального сериала «Пять вечеров» (фильм «Случайный дневник», посвященный Ксении Ефимовне Павловской. Автор – Татьяна Зорина. 2001).

Примечания А.А. Гапоненкова

Примечания

¹ Павловская К.Е. Предисловие // Франк Василий. Русский мальчик в Берлине / Пер. с англ. В. Михайлина, Е. Зотовой // Волга. 1998. № 10. С. 110–112; Павловская К.Е., Касович С.М. Страницы воспоминаний // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 128–130; А.П. Скафтымов [О «Чайке»] / Подг. текста: А.А. Гапоненков, К.Е. Павловская; примеч.

- А.А. Гапоненкова // Там же. С. 154–170; А.П. Скафтымов <Записки к лекции о Пушкине> / Публ. А.А. Гапоненкова, К.Е. Павловской // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. Вып. 5. Пушкинский. С. 22–27; Т.С. Франк. Память сердца / Публ. К.Е. Павловской // Звезда. 2003. № 1. С. 113–121; Павловская К.Е. Ефим Тимофеевич Павловский (1891–1953) // Тр. пед. ин-та СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. Вып. 2. Филология. Лингвистика. С. 256–273; Павловская К.Е. Послесловие // Скафтымов А.П. Дневники 1916 и 1937 гг. / Публ. В.В. Прозорова; подг. текста и примеч. А.А. Гапоненкова // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2005. Т. 5. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1/2. С. 49–52; Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк / Публ. и примеч. К.Е. Павловской // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина; отв. ред. В.В. Прозоров. Саратов, 2006. С. 182–234; Павловская К.Е. Татьяна Сергеевна Франк и ее воспоминания // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина; отв. ред. В.В. Прозоров. С. 234–272.
- 2 См.: Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.; Саратов, 1924.
 - 3 См.: Скафтымов А.П. О реализме и сентиментализме в «Путешествии» Радищева (К 125-летию со дня смерти А.Н. Радищева, 1802–1927) // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. 1929. Т.7, вып. 3. С. 173–194.
 - 4 См.: Скафтымов А.П. «Записки из подполья» Достоевского среди его публицистики // Slavica. Praha. 1929. Ч. 8. Сель. 1. S. 101–107; Сель. 2. S. 312–339.
 - 5 См.: Скафтымов А.П. Диалектика в рисунке Л. Толстого // Литературные беседы. Саратов, 1929. Сб. 1. С. 15–49; Скафтымов А.П. О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого // Литературные беседы. Саратов, 1930. Сб. 2. С. 103–108.
 - 6 См.: Скафтымов А.П. Чернышевский и Жорж Санд // Н.Г. Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928. С. 223–243.
 - 7 Большинство эвакуированных преподавателей Ленинградского университета находилось в Саратове с марта 1942 по июнь 1944 г. О трудных, мучительных обстоятельствах жизни Б.М. Эйхенбаума в Саратове см. его письма к В.Б. Шкловскому, опубликованные в: Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб., 2004. С. 324–332.
 - 8 См.: Скафтымов А.П. О единстве формы и содержания в «Вишнёвом саде» Чехова // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. 1946. Вып. 8. С. 3–38.
 - 9 Ныне общежитие СГУ на ул. Кутякова.
 - 10 Речь идет о Павле Скафтымове (1918–1937), сыне А.П. Скафтымова.
 - 11 Имеется в виду О.А. Скафтымова (урожд. Знаменская) (1884–1978) – жена А.П. Скафтымова, преподаватель французского языка в Саратовском пединституте.
 - 12 Адрес А.П. Скафтымова в Саратове: ул. Камышинская (ныне Рахова), 111, кв. 4.
 - 13 Отец О.А. Скафтымовой А. П. Знаменский был земским врачом на мануфактурной фабрике братьев Хлудовых в г. Егорьевске Рязанской губ. Предметы, о которых говорит К.Е. Павловская, скорее всего, связаны с памятью о первом муже Скафтымовой – М.М. Ворошилове, инженере-технологе на фабрике Нечаева-Мальцева в г. Гусь-Хрустальный Владимирской губ.
 - 14 См.: Скафтымов А.П. Дневники 1916 и 1937 гг. / Публ. В.В. Прозорова, подг. текста и примеч. А.А. Гапоненкова; послесл. К.Е. Павловской // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2005. Т. 5. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1/2. С. 36–52.
 - 15 О.А. Скафтымова была арестована в марте 1935 г.
 - 16 После тюремного заключения О.А. Скафтымова находилась в ссылке в Карагандинских лагерях. В 1939 г. она возвратилась из Казахстана в г. Энгельс без права прописки в Саратове, преподавала в Энгельском пединституте и в средних школах. О.А. Скафтымова работала в Саратовском пединституте с 1946 до 1954 г. Реабилитирована в 1959 г.
 - 17 Речь идет о Ефиме Тимофеевиче Павловском – литературоведе, доценте Саратовского пединститута (см.: Павловская К.Е. Ефим Тимофеевич Павловский (1891–1953) // Тр. пед. ин-та СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. Вып. 2. Филология. Лингвистика. С. 256–273).
 - 18 Медведев А.П. (1898–1987) – в 1930-е гг. доцент кафедры русской литературы в Саратовском пединституте. Его воспоминания о Скафтымове «Школа нравственного воспитания» см. в: Методология и методика изучения русской литературы и фольклора: Ученые педагоги саратовской филологической школы / Под ред. проф. Е.П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 180–194.
 - 19 Опубликовано всего лишь одно письмо А.П. Скафтымова к А.П. Медведеву от 5 мая 1937 г. о предполагаемой поездке в Караганду (Филология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 132–133. Подг. текста и примеч. К.Е. Павловской, А.А. Гапоненкова). Поездка эта состоялась.
 - 20 От должности профессора кафедры русской литературы Скафтымов был освобожден с 1 сентября 1955 г. (по личному заявлению в связи с переходом на пенсию).
 - 21 См.: Франк С.Л. Дневник / Публ. Е.П. Никитиной; подг. текста: Ю.Н. Борисов, А.А. Гапоненков; коммент. А.А. Гапоненкова (при участии Е.В. Кузьменковой и Н.В. Новиковой) // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина; отв. ред. В.В. Прозоров. С. 31–111.
 - 22 В начале 1990-х гг. К.Е. Павловская восстанавливает связи со своими родственниками из Великобритании. В Саратов по её приглашению приезжает двоюродный брат Василий Франк, младший сын знаменитого русского философа С.Л. Франка. Ксения Ефимовна – его племянница; мать Павловской Мария Сергеевна и жена Франка Татьяна Сергеевна – родные сестры (урождённые Барцевы). В последние годы Павловская приложила много усилий для восстановления памяти о своей знаменитой семье, о своих предках, учителях. Незадолго до кончины она опубликовала целый корпус воспоминаний своей тётки Т.С. Франк-Барцевой, снабдив их ценнейшими комментариями (см.: Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк / Публ. и примеч. К.Е. Павловской // С.Л. Франк. Саратовский текст. С. 182–234).

- ²³ «Версия» эта отражена в статье: *Никитина Е.П.* История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С.Л. Франка) // С.Л. Франк. Саратовский текст. С. 16–30. «Тайна её («Тетради». – А.Г.) долголетнего анонимного существования, вероятно, не будет никогда раскрыта» (С. 16). Главное предположение проф. Е.П. Никитиной состоит в том, что к Александру Петровичу Медведеву (доценту СГУ, в домашнем архиве которого была обнаружена «Тетрадь») рукопись «Дневника» С.Л. Франка могла попасть только от А.П. Скафтымова. Вся аргументация статьи направлена на доказательство этого тезиса.
- ²⁴ Это было в старом четвертом корпусе СГУ на ул. Радищева, 41.
- ²⁵ Ср.: «Чеховское начало глубоко внутренне родственно Скафтымову-человеку. Собственным неустанным духовным трудом он создал свою тончайшую интеллигентность, свой кодекс жизненной, научной и гражданской морали. Был по-чеховски негромок в его утверждении, органически не перенося суетной «публичности». И по-чеховски беспощадно презирал он многоликую, всегда довольную собой пошлость» (*Покусаев Е., Жук А.* Александр Павлович Скафтымов // *Скафтымов А.* Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 18).
- ²⁶ Проф. Ю.Г. Оксман после возвращения из десятилетней ссылки (1936–1946) преподавал на кафедре русской литературы СГУ с 10 апреля 1947 до 1 октября 1958 г. (с 20 ноября 1956 г. – по совместительству в связи с переездом в Москву и переходом на работу старшим научным сотрудником ИМЛИ АН СССР). См.: Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана / Предисл., составл. и подг. текстов А.А. Жук; публ. В.В. Прозорова // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры.* СПб., 1995. Т. 1, № 2. С. 255–325.
- ²⁷ Усакина Татьяна Ивановна (1931–1966) – доцент кафедры русской литературы СГУ, ученица Ю.Г. Оксмана. Проф. А.П. Скафтымов был официальным оппонентом на защите её кандидатской диссертации в 1959 г.